

Георг Гегель

Учение о сущности

Георг Гегель
Учение о сущности

«Public Domain»

Гегель Г. В.

Учение о сущности / Г. В. Гегель — «Public Domain»,

«Учение о сущности» - произведение Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (Georg Wilhelm Friedrich Hegel, 1770 - 1831) – немецкого философа, одного из создателей немецкой классической философии, последовательного теоретика философии романтизма. Противоречие сущности есть движущая сила ее развития в существование. В этом переходе отражается главный принцип гегелевского диалектизма, в котором столкновение противоречий становится фактором развития всего сущего. Действительность – результат объединения сущности и существования. Нет ничего случайного: на уровне истинного познания все оказывается закономерным, необходимым. Георг Фридрих Гегель развивал содержание логики с помощью диалектического метода. Его девиз – «Противоречие ведет вперед». Логическая идея, она же абсолютный разум, существовала до начала мира. Проходя через бессознательное в природе и сознательное в человеке, она достигает наивысшего развития в философии, религии, искусстве. Идеи великого немецкого философа воплотились в его трудах «Наука логики», «Учение о сущности», «Учение о понятии».

© Гегель Г. В.

© Public Domain

Содержание

Первый отдел	7
Первая глава	8
А. Существенное и несущественное	8
В. Видимость	9
С. Рефлексия	11
1. Полагающая рефлексия	11
2. Внешняя рефлексия	13
3. Определяющая рефлексия	15
Вторая глава	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Георг Гегель

УЧЕНИЕ О СУЩНОСТИ

Истина бытия есть сущность. Бытие есть непосредственное. Так как познание хочет познать истину того, что такое бытие *в себе и для себя*, то познание не останавливается на непосредственном и его определениях, но проникает через них в предположении, что за этим бытием есть еще нечто иное, чем самое бытие, что эта основа составляет истину бытия. Это познание есть познание опосредованное, так как оно не находится непосредственно при сущности и в сущности, но начинается с другого, с бытия, и должно пройти предварительный путь, путь выхода за бытие или правильное вхождение в оное. Лишь поскольку знание *углубляется* из непосредственного бытия *во внутрь* (*sich erinnert*), лишь через это опосредование находит оно сущность. Немецкий язык в глаголе *быть* (*seyn*) удерживает сущность (*das Wesen*) в прошедшем времени – *gewesen*, так как сущность есть прошедшее, но безвременно прошедшее бытие.

При представлении этого движения, как хода познания, это начинание с бытия и процесс, снимающий его и достигающий сущности, как чего-то опосредованного, является деятельностью познания, внешнею относительно бытия и не соответствующею собственной природе последнего.

Но этот ход есть движение самого бытия. Он показал на бытии, что он по своей природе углубляется во внутрь и становится сущностью через это вхождение в себя.

Поэтому, если абсолютное было определено прежде всего, как *бытие*, то теперь оно определено, как *сущность*. Познание не может вообще остановиться ни на многообразном *существовании*, ни также на *бытии*, *чистом бытии*; в него непосредственно проникает рефлексия о том, что это *чистое бытие*, *отрицание* всего конечного, предполагает *углубление* во внутрь и движение, очищающее непосредственное существование в чистое бытие. Тем самым бытие определяется, как сущность, как такое бытие, в котором отрицается все определенное и конечное. Таким образом оно есть *чуждое определению* простое единство, от которого определенное отнято *внешним способом*; определенное было относительно этого единства само чем-то внешним и сохраняется в противоположность ему после такого отнятия; ибо оно снято не в себе, а относительно, лишь по отношению к этому единству. Выше уже было указано, что, когда чистая сущность определена, как *совокупность всех реальностей*, то эти реальности причастны как природе определенности, так и отвлекающей рефлексии, и эта совокупность сводится к пустой простоте. При таком понимании сущность есть лишь продукт, произведенное. *Внешнее* отрицание, которое есть отвлечение, снимает определенности бытия *прочь* с того, что сохраняется, как сущность; она лишь поставляет их как бы в другом месте и оставляет их сущими, как прежде. Но сущность не есть таким образом ни *в себе*, ни *для самой себя*; она есть *через другое*, через внешнюю, отвлекающую рефлексии; и она есть *для другого*, именно для отвлечения и вообще для остающегося вне ее сущего. В своем определении она есть поэтому мертвое внутри себя, пустое отсутствие определения.

Но сущность, каковою она здесь стала, есть то, что она есть, не через внешнюю для нее отрицательность, а через свое собственное бесконечное движение бытия. Она есть *бытие в себе и для себя*, абсолютное *бытие в себе*, поскольку она безразлична к определенности бытия, поскольку инобытие и отношение к другому просто сняты. Но она есть не только это бытие в себе; как простое бытие в себе она была бы лишь отвлеченностью чистой сущности; она есть также по существу *бытие для себя*; она сама есть эта отрицательность, снятие инобытия и определенности.

Сущность, как совершенный возврат бытия внутрь себя, есть таким образом прежде всего неопределенная сущность; определенности бытия сняты в ней; она содержит их *в себе*, но

не так, как они положены *в ней*. Но она должна перейти в существование, ибо она есть *бытие в себе и для себя*, т. е. она *различает* определения, которые содержит *в себе*; так как она есть отталкивание себя от себя самой или безразличие к себе, *отрицательное* отношение к себе, она тем самым противопоставляет себя себе и есть лишь постольку бесконечное бытие для себя, поскольку она есть единство с собою в этом своем различии от себя. Это определение имеет другую природу, чем определение в области бытия, и определения сущности имеют другой характер, чем определенности бытия. Сущность есть абсолютное единство бытия в себе и для себя; поэтому ее определение остается внутри этого единства, оно не есть ни становление, ни переход, равно как самые определения не суть *другое*, как другое, ни отношения *к другому*; они самостоятельны, но тем самым лишь такие, которые суть в своем взаимном единстве. Так как сущность есть прежде всего *простая* отрицательность, то ей надлежит положить в *свою* область ту определенность, которую она содержит лишь *в себе*, чтобы сообщить себе существование и затем свое бытие для себя.

В *целом* своем сущность есть то же, что *количество* в сфере бытия: абсолютное безразличие к границе. Но количество есть это безразличие в *непосредственном* определении, и граница есть в ней непосредственно внешняя определенность, оно *переходит* в определенное количество; внешняя граница необходима для него и есть в нем *сущая*. Напротив, в сущности определенности *нет*; последняя лишь *положена* самою сущностью, не свободно, но только в *отношении* к ее единству. Отрицательность сущности есть *рефлексия*, и ее определения суть *рефлектированные*, положенные самою сущностью и сохраняющиеся в ней, как снятые.

Сущность занимает место между *бытием* и *понятием*, она составляет середину между ними, а ее движение – *переход* от бытия к понятию. Сущность есть *бытие в себе и для себя*, но последнее в определении бытия в себе; ибо ее общее определение есть то, что она возникает из бытия, или что она есть *первое отрицание бытия*. Ее движение состоит в том, чтобы положить в ней отрицание или определение, тем самым дать себе *существование* и, как бесконечное бытие для себя, стать тем, что она есть в себе. Таким образом она дает себе свое *существование*, тождественное ее бытию в себе, и становится *понятием*; ибо понятие есть абсолютное, поскольку последнее абсолютно в своем существовании, или в себе и для себя. Существование же, которое дает себе сущность, еще не есть существование в себе и для себя, но такое, каким *дает* его себе сущность, как оно *положено*, и потому еще отличается от существования понятия.

Сущность есть, во-первых, *видимость внутри себя самой* или *рефлексия*; во-вторых, она *является*; в-третьих, она *обнаруживается*. Она полагает себя в своем движении в следующих определениях:

- 1) как *простая* сущая в себе сущность в своих определениях внутри себя;
- 2) как вступающая в существование или по своему осуществлению (Existenz) и *явлению*;
- 3) как сущность, объединенная со своим явлением, как *действительность*.

Первый отдел Сущность, как рефлексия в ней самой

Сущность возникает из бытия; поэтому она не есть непосредственно в себе и для себя, но есть результат этого движения. Или, иначе, сущность, понимаемая прежде всего, как непосредственное, есть определенное существование, которому противостоит другое существование; она есть *существенное* существование в противоположность *несущественному*. Но сущность есть снятое в себе и для себя бытие; ей противостоит только *видимость* (Schein). Лишь видимость есть собственное положение сущности.

Сущность есть, *во-первых*, *рефлексия*. Рефлексия определяет себя; ее определения суть положение, которое есть вместе с тем рефлексия в себя;

во-вторых, надлежит рассмотреть эти *рефлексивные определения* или *существенности* (Wesenheiten);

в-третьих, сущность, как рефлексия определения в себя само, становится *основанием* и переходит в *осуществление* (Existenz) и *явление*.

Первая глава Видимость

Сущность, возникая из бытия, по-видимому, противостоит ему; это непосредственное бытие есть *ближайшим образом несущественное*.

Но, *во-вторых*, оно есть более, чем несущественное, оно есть лишенное сущности бытие, *видимость*.

В-третьих, эта видимость не есть внешнее, другое относительно сущности, но есть ее собственная видимость. Видимость сущности внутри ее самой есть *рефлексия*.

А. Существенное и несущественное

Сущность есть *снятое бытие*. Она есть простое равенство с самой собою, но лишь постольку, поскольку она есть вообще *отрицание* сферы бытия. Таким образом сущности противоположна непосредственность, как нечто такое, из чего первая возникла, и что сохраняется и удерживается в этом своем снятии. Сущность есть сама в этом определении *сущая*, непосредственная сущность, а бытие – лишь нечто отрицательное *по отношению* к сущности, а не что-либо в себе и для себя, стало быть сущность есть *определенное* отрицание. Бытие и сущность снова относятся между собою таким образом, как *другие* вообще, ибо тому и другой *свойственно бытие, непосредственность*, они взаимно безразличны и по этому бытию имеют одинаковую ценность.

Но вместе с тем бытие в противоположность сущности есть *несущественное*, оно имеет относительно неопределение снятого. Однако, поскольку оно относится к сущности, как другое, лишь вообще, то сущность не есть собственно сущность, но только другое иначе определенное существование, *существенное*.

Различение существенного и несущественного возвратило сущность назад в сферу *существования*, поскольку сущность такова, какова она есть ближайшим образом, как непосредственно сущая, и тем самым определяется в противоположность бытию, лишь как *другое*. Таким образом в основу кладется сфера существования, и то, что есть бытие в этом существовании, бытие в себе и для себя, есть дальнейшее определение, внешнее самому существованию; так же как, наоборот, хотя сущность есть бытие в себе и для себя, но лишь в противоположность другому, в *определенном* смысле. Поскольку поэтому в существовании различаются между собою *существенное* и *несущественное*, это различие есть внешнее положение, есть не затрагивающее самого существования отделение одной части его от другой, разделение, относящееся к чему-то *третьему*. Поэтому остается неопределенным, что принадлежит существенному, и что несущественному. Оно сводится к внешнему отношению и соображению, и потому одно и то же содержание может считаться то существенным, то несущественным.

При более глубоком рассмотрении оказывается, что сущность становится существенным в противоположность несущественному лишь потому, что сущность понимается, только как снятое бытие или существование. Сущность становится таким путем лишь *первою* или отрицанием, которое есть *определенность*, приводящим бытие лишь к существованию или существование лишь к *другому*. Но сущность есть абсолютная отрицательность бытия; она есть самое бытие, но не только определенное, как *другое*, а бытие, которое сняло себя, и как непосредственное бытие, и как непосредственное отрицание, как отрицание, причастное инобытию. Бытие или существование не сохранилось тем самым, как другое, вследствие бытия сущности, и еще отличаемое от сущности непосредственное не есть только несущественное существование, а *в себе и для себя* уничтожаемое непосредственное; оно есть *не-сущность* (Unwesen), *видимость*.

В. Видимость

1. *Бытие есть видимость.* Бытие видимости состоит единственно в снятии бытия, в его уничтоженности; эту уничтоженность оно имеет в сущности, и вне своей уничтоженности, вне сущности его нет. Оно есть отрицательное, положенное, как отрицательное.

Видимость есть единственный остаток, сохранившийся из сферы бытия. Но она еще кажется имеющею сама независимую от сущности непосредственную сторону и вообще чем-то другим относительно сущности. Другое содержит в себе вообще два момента – существования и несуществования. Поскольку несущественное уже не имеет бытия, в первом от инобытия остается лишь *чистый момент несуществования*; видимость есть это *непосредственное* несуществование, причастное определенности бытия в том смысле, что она имеет существование лишь в отношении к другому, в своем несуществовании; она есть несамостоятельное, сущее лишь в своем отрицании. Ей остается присущею лишь чистая определенность *непосредственности*, она есть *рефлектированная* непосредственность, т. е. такая, которая возникает лишь *через посредство* ее отрицания, и которая в противоположность своему *опосредованию* есть не что иное, как пустое определение непосредственности несуществования.

Таким образом, *видимость*, как феномен *скептицизма* или явление идеализма, есть такая непосредственность, которая не есть нечто или вещь, вообще не есть безразличное бытие, сущее вне его определенности или отношения к субъекту. Что оно *есть*, этого скептицизм не позволяет себе говорить; новый идеализм не позволил себе смотреть на познание, как на знание вещи в себе; эта видимость вообще не должна была иметь никакой основы бытия, в ее познание не должна была вступать вещь в себе. Но вместе с тем скептицизм допускал многообразные определения своей видимости, или правильное, его видимость имела содержанием все многообразное богатство мира. Равным образом явление идеализма включает в себе весь объем этих многообразных определений. Эта видимость и это явление определяются *непосредственно* столь многообразно. В основе этого содержания не должно лежать никакого бытия, никакой вещи или вещи в себе, оно остается для себя таким, каково оно есть; оно только переведено из бытия в видимость так, что видимость имеет внутри себя самой эти многообразные определенности, которые суть непосредственные, сущие, взаимно другие. Поэтому видимость есть сама *непосредственно* определенное. Она может иметь то или иное содержание, но каково последнее, это не положено ею самою, а присуще ей непосредственно. Идеализм Лейбница, или Канта, или Фихте, как и другие его формы, так же мало, как скептицизм, выходят за пределы бытия, как определенности, как этой непосредственности. *Скептицизму дано* содержание его видимости; каково бы оно ни было, оно для него *непосредственно*. *Лейбницева монада* развивает из себя самой свои представления; но она не есть их производящая и связующая сила, а они всплывают в ней, как пузыри; они безразличны, непосредственны одно относительно другого, а следовательно, и относительно самой монады. Равным образом и *кантово* явление есть *данное* содержание восприятия, предполагающее впечатления, определения субъекта, которые одно относительно другого и относительно его непосредственны. Бесконечное отталкивание в идеализме *Фихте*, правда, не имеет в своей основе никакой вещи в себе, так как оно есть чистая определенность я. Но эта определенность по отношению к я, делающему ее своею и снимающему ее внешность, есть вместе *непосредственная*, есть *предел*, за который она, правда, может выйти, но который имеет в себе сторону безразличия, по коей он, хотя присущий я, содержит в себе *непосредственное* небытие последнего.

2. Итак, видимость содержит в себе непосредственное предположение, сторону независимости от сущности. Но поскольку видимость отличена от сущности, относительно первой нельзя обнаружить, что она снимает себя и переходит во вторую; видимость есть уничтоженное в себе; следует только показать, что определения, отличающие ее от сущности, суть опре-

деления самой сущности, и далее, что *определенность сущности*, составляющая видимость, снята в самой сущности.

Непосредственность *небытия* есть то, что образует собою видимость; а это небытие есть не что иное, как отрицательность сущности в ней самой. Бытие есть небытие в сущности. Его *уничтоженность* в себе есть *отрицательная природа самой сущности*. Но непосредственность или безразличие, содержащееся в этом небытии, есть собственное абсолютное бытие в себе сущности. Отрицательность сущности есть ее равенство с самой собою или ее простая непосредственность и безразличие. Бытие сохранилось в сущности, поскольку последняя в своей бесконечной отрицательности имеет это равенство с самой собою; тем самым сущность сама есть бытие. Непосредственность, которую определенность имеет в видимости в противоположность сущности, есть поэтому не что иное, как собственная непосредственность сущности, но не сущая непосредственность, а просто опосредованная или рефлексированная непосредственность, которая есть видимость; бытие, не как бытие, а как лишь определенность бытия в противоположность опосредованию; бытие, как момент.

Оба эти момента, уничтоженность, которая есть вместе с тем сохранение, и бытие, которое есть лишь момент, иначе, сущая в себе отрицательность и рефлексированная непосредственность, составляющие *моменты видимости*, суть тем самым *моменты самой сущности*; дана не видимость бытия в сущности, ниже видимость сущности в бытии, видимость в сущности не есть видимость чего-то другого; но дана *видимость в себе, видимость самой сущности*.

Видимость есть сама сущность в определенности бытия. То, в силу чего сущность имеет видимость, состоит в *определенности* первой, и потому в различении ее от ее абсолютного единства. Но эта определенность также просто снята в ней самой. Ибо сущность есть самостоятельное, т. е. опосредывающее себя с собою через свое отрицание, которое есть она сама; поэтому она есть тождественное единство абсолютной отрицательности и непосредственности. Отрицательность есть отрицательность в себе; она есть ее отношение к себе, и таким образом непосредственность в себе; но она есть отрицательное отношение к себе, отталкивающее отрицание себя самой, и таким образом сущая в себе непосредственность есть отрицательное или *определенное* в противоположность ей. Но эта определенность есть сама абсолютная отрицательность, и это определение, которое, как определение, есть непосредственно снятие себя самого, есть возврат к себе.

Видимость есть отрицательное, имеющее бытие, но в другом, своем отрицании; она есть несамостоятельность, снятая и уничтоженная в себе самой. Таким образом она есть возвратившееся в себя отрицательное, несамостоятельное, как несамостоятельное в нем. Это *отношение* отрицательного или несамостоятельности к себе, есть ее *непосредственность*; она есть *другое*, чем она сама; она есть его определенность в противоположность себе или отрицание в противоположность отрицанию. Но отрицание в противоположность отрицанию есть лишь к себе относящаяся отрицательность, абсолютное снятие самой определенности.

Итак, *определенность* видимости в сущности есть бесконечная определенность; она есть лишь совпадающее с собою отрицательное; таким образом, она есть определенность, которая, как таковая, есть самостоятельность и неопределенное. Наоборот, самостоятельность, как относящаяся к себе *непосредственность*, есть равным образом просто определенность и момент и лишь к себе относящаяся отрицательность. Отрицательность, тождественная с непосредственностью, а, стало быть, и непосредственность, тождественная с отрицательностью, есть *сущность*. Таким образом, видимость есть сама сущность, но сущность в некоторой определенности, притом, так, что последняя есть лишь момент сущности, а сущность есть видимость себя внутри себя самой.

В сфере бытия в противоположность бытию, как *непосредственному*, возникает небытие, так же как *непосредственное*, и их истина есть становление. В сфере сущности противоплагается прежде всего сущность и несущественное, затем сущность и видимость, – несущее

ственное и видимость, как остатки бытия. Но и то, и другая, равно как различение сущности от них, состоят не в чем ином, как в том, что сущность первоначально понимается, как нечто *непосредственное*, а не такую, какова она в себе, т. е. не как непосредственность, которая есть непосредственность, а как лишь чистое опосредование или абсолютная отрицательность. Эта первая непосредственность есть тем самым лишь *определенность* непосредственности. Снятие этой определенности сущности состоит поэтому не в чем ином, как в обнаружении того, что несущественное есть видимость, и что сущность, напротив, содержит видимость внутри себя самой, как бесконечное движение внутри себя, которое определяет ее непосредственность, как отрицательность, и ее отрицательность, как непосредственность, и есть таким образом ее видимость внутри ее самой. Сущность в этом своем самодвижении есть *рефлексия*.

С. Рефлексия

Видимость есть то же, что *рефлексия*; но она есть рефлексия, как *непосредственная*; для проникшей внутрь себя и тем самым утратившей свою непосредственность видимости мы имеем иностранное слово – *рефлексия*.

Сущность есть рефлексия, движение становления и перехода, остающееся внутри себя самого, вследствие чего отличное от него определяется просто, как отрицательное в себе, как видимость. Определенность становления бытия имеет основанием бытие и есть отношение к *другому*. Напротив, рефлектирующее движение есть другое, как *отрицание в себе*, имеющее бытие, лишь как относящееся к себе отрицание. Или, иначе, поскольку это отношение к себе и есть это отрицание отрицания, то *отрицание* дано, как *отрицание*, как нечто, имеющее свое бытие в своем отрицании бытия, как *видимость*. Другое есть поэтому здесь не *бытие с отрицанием* или границей, но *отрицание с отрицанием*. Но *первое* в противоположность этому другому, непосредственное или бытие, есть лишь самое это равенство отрицания с собою, отрицаемое отрицание, абсолютная отрицательность. Это равенство с собою или *непосредственность* не есть поэтому *первое*, от которого исходят, и которое переходит в свое отрицание; равным образом это не есть сущий субстракт, который проявлялся бы через рефлексия, но непосредственно есть только самое это движение.

Становление в сущности, ее рефлектирующее движение, есть поэтому *движение от ничто к ничто и тем самым к себе самому*. Переход или становление снимает себя в своем переходе; другое, которое становится в этом переходе, есть не небытие некоторого бытия, но ничто некоторого ничто, и это отрицание ничто образует бытие. Бытие, как сущность, есть лишь движение от ничто к ничто; она не *имеет* этого движения *внутри себя*, но есть сама абсолютная видимость, чистая отрицательность, которая не имеет в себе ничего, что она отрицала бы, но которая отрицает только самое ее отрицательное, сущее только в этом отрицании.

Эта чистая абсолютная рефлексия, которая есть движение от ничто к ничто, самоопределяет себя далее.

Она есть, *во-первых*, *полагающая рефлексия*;

во-вторых, она образует *начало предположенного непосредственного* и есть, таким образом, *внешняя рефлексия*.

В-третьих, она снимает это предположение, и, поскольку она в самом снятии предположения имеет *вместе* предполагающий характер, она есть *определяющая рефлексия*.

1. Полагающая рефлексия

Видимость есть уничтоженное или несущественное; но уничтоженное или несущественное имеет свое бытие не в *другом*, видимостью которого оно было бы, а его бытие есть его соб-

ственное равенство с собою; это взаимодействие отрицательного с самим собою определилось, как абсолютная рефлексия сущности.

Эта относящаяся к себе отрицательность есть следовательно отрицание ее самой. Тем самым она есть вообще настолько же *снятая* отрицательность, насколько она есть отрицательность. Иначе она есть сама отрицательное и простое равенство с собою или непосредственность. Она состоит, таким образом, в том, чтобы быть *самой собою* и *не самой собою* и притом в *одном* единстве.

Ближайшим образом рефлексия есть движение от ничто к ничто и тем самым совпадающее с самим собою отрицание. Это совпадение с собою есть вообще простое равенство с собою, – непосредственность. Но это совпадение не есть переход отрицания в равенство с собою, как в свое *инобытие*; рефлексия есть переход, как снятие перехода, ибо она есть непосредственное совпадение отрицательного с *самим собою*. Таким образом, это совпадение есть, *во-первых*, равенство с собою или непосредственность; но, *во-вторых*, эта непосредственность есть равенство *отрицательного* с собою и тем самым само себя отрицающее равенство; непосредственность, которая есть в себе отрицательное, отрицательное ее самой, и состоит в том, чтобы быть тем, что она не есть.

Отношение отрицательного к самому себе есть, следовательно, его возврат в себя; оно есть непосредственность, как снятие отрицательного, но непосредственность, только как это отношение или *возврат из чего-либо* и тем самым как сама себя снимающая непосредственность. В этом состоит *положение*, – в непосредственности, только как *определенности* или как рефлектирующей себя. Эта непосредственность, которая есть лишь *возврат* отрицательного в себя, и есть та непосредственность, которая составляет определенность видимости, и с которой ранее того казалось начинающимся рефлектирующее движение. Но вместо того, чтобы быть началом, эта непосредственность есть скорее возврат или сама рефлексия. Рефлексия есть, следовательно, движение, которое, поскольку оно есть возврат, есть именно потому то, что и начинается и возвращается.

Она есть *положение*, поскольку ее непосредственность есть возврат; именно нет какого-либо другого, ни такого, из которого она исходила бы, ни такого, в которое она возвращалась бы; поэтому она есть только возврат или отрицательное самой себя. Но далее эта непосредственность есть снятое отрицание и снятый возврат в себя. Рефлексия есть снятие отрицательного, снятие *ее другого*, непосредственности. Поэтому, поскольку она есть непосредственность, как возврат, совпадение отрицательного с самим собою, она есть отрицание отрицательного, как отрицательного. Таким образом, она есть *предположение*. Или, иначе, непосредственность, как возврат, есть лишь отрицательное ее самой, состоит в том, чтобы не быть непосредственностью; но рефлексия есть снятие отрицания себя самой, она есть совпадение с собою; она, стало быть, снимает свое положение, и поскольку она есть снятие положения в ее положении, она есть предположение. В предположении рефлексия определяет возврат в себя, как отрицательное ее самой, как то, снятие чего есть сущность. Она есть свое отношение к себе самой, но как к своему отрицанию; лишь таким образом она есть остающаяся внутри себя, относящаяся в себе отрицательность. Вообще непосредственность выступает, лишь как возврат, и есть то отрицательное, которое есть видимость начала, отрицаемого возвратом. Возврат сущности есть тем самым ее отталкивание от себя самой. Или рефлексия в себе есть по существу предположение того, чему она служит возвратом.

То, единственно в силу чего сущность есть равенство с собою, есть снятие ее равенства с собою. Она предполагает себя, и снятие этого предположения есть она сама; наоборот, это снятие ее предположения есть самое предположение. Таким образом, рефлексия *предварительно находит* нечто непосредственное, за которое она переходит, и возвратом от которого она оказывается. Но этот возврат есть предположение предварительно найденного. Это предварительно найденное *становится* лишь в силу того, что оно *покидается*, его непосредствен-

ность есть снятая непосредственность. Снятая непосредственность есть, наоборот, возврат в себя, *приход* сущности в себя, простое саморавное бытие. Тем самым этот приход в себя есть снятие себя, отталкивающая от себя, предполагающая рефлексия, и ее отталкивание от себя есть приход к себе самой.

Рефлектирующее движение тем самым, согласно сказанному, должно быть понимаемо, как *абсолютное отталкивание* (Gegenstoss) в себе самом. Ибо предположение возврата в себя – того, от чего *исходит* сущность, которая *есть* лишь этот возврат, – есть лишь в самом возврате. Выход за непосредственное, с которого начинается рефлексия, осуществляется собственно через этот самый выход; и выход за непосредственное есть приход к нему. Движение, как прогресс, вращается непосредственно в себе самом и таким образом получается лишь самодвижение, – движение, исходящее от себя, поскольку *полагающая* рефлексия есть *предполагающая*, а *предполагающая* есть просто *полагающая*.

Таким образом, рефлексия есть и она сама, и ее небытие; и она есть она сама, лишь поскольку она есть отрицание себя, ибо лишь таким путем снятие отрицательного есть вместе совпадение с собою. Непосредственность, которую она предполагает, как свое снятие, есть просто лишь *положение*, снятое в *себе*, неотличающееся от возврата в себя, и оказывающееся само лишь этим возвратом. Но оно определено вместе с тем, как *отрицательное*, как непосредственно *противоположное* себе, следовательно, противоположное некоторому другому. Таким образом, рефлексия *определена*; поскольку ей по этой определенности *свойственно* предположение, и поскольку она начинает с непосредственного, как своего другого, она есть *внешняя рефлексия*.

2. Внешняя рефлексия

Рефлексия, как абсолютная рефлексия, есть в ней самой видимая сущность и предполагает лишь видимость, положение; как предполагающая, она есть непосредственно лишь полагающая рефлексия. Но внешняя или реальная рефлексия предполагает себя, как снятую, как свое отрицательное. В этом определении она удваивается. Во-первых, она есть предположенное или рефлексия в себя, которая есть непосредственное. Во-вторых, она есть отрицательная относящаяся к себе рефлексия; она относится к себе, как к тому своему небытию.

Внешняя рефлексия *предполагает*, следовательно, бытие, *во-первых*, не в том смысле, что его непосредственность есть лишь положение или момент, но скорее в том смысле, что эта непосредственность есть отношение к себе, а определенность есть только момент. Она относится к своему предположению так, что последнее есть отрицание рефлексии, но притом так, что это отрицание, *как* отрицание, снято. Рефлексия в ее положении непосредственно снимает свое положение так, что она имеет *непосредственное предположение*. Она предварительно *находит*, следовательно, это положение, как такое, с которого она начинает, и относительно которого она есть возвращение в себя, отрицание этого ее отрицания. Но что это предположенное есть отрицательное или положенное, – это не есть его начало; эта определенность принадлежит лишь полагающей рефлексии, в предположении же положение есть лишь снятое. То, что внешняя рефлексия определяет и полагает в непосредственном, суть поэтому внешние для него определения. В сфере бытия она была бесконечным; конечное считается первым, реальным, с него начинают, как с лежащего и продолжающего лежать в основании, а бесконечное есть противоположная ему рефлексия в себя.

Эта внешняя рефлексия есть вывод, в котором заключаются оба крайние члена, непосредственное и рефлексия в себя; среднее между ними есть их отношение, определенное непосредственное, так что одна часть, непосредственность, принадлежит лишь одному крайнему члену, а другая, определенность или отрицание, лишь другому.

Но при ближайшем рассмотрении действия внешней рефлексии она оказывается, *во-вторых*, положением непосредственного, которое тем самым становится отрицательным или определенным; но она есть непосредственно также снятие этого ее положения, ибо она *предполагает* непосредственное; она есть отрицание отрицания этого ее отрицания. Но она тем самым есть также непосредственно *положение*, снятие отрицательного относительно нее непосредственного, и то, от чего она, по-видимому, начинает, как от некоторого чуждого ей, есть лишь в этом ее начинании. Непосредственное есть, таким образом, *то же самое*, что и рефлексия, не только *в себе*, т. е. для нас или во внешней рефлексии, но это тождество его *положено*. А именно оно определено через рефлексю, как ее отрицательное или ее другое, но вместе с тем, оно само есть то, что отрицает это определение. Тем самым снимается внешность рефлексии относительно непосредственного, ее самоотрицающее положение есть совпадение ее с ее отрицательным, с непосредственным, и это совпадение есть сама существенная непосредственность. Таким образом, оказывается, что внешняя рефлексия есть не внешняя, но столь же имманентная рефлексия самой непосредственности; или что то, что получается через полагающую рефлексю, есть сущая в себе и для себя сущность. Таким образом, она есть *определяющая рефлексия*.

Примечание. Рефлексия понимается обыкновенно в субъективном смысле, как движение силы суждения, выходящей за данное непосредственное представление и исследующей или тем самым сравнивающей общие его определения. Кант противопоставляет *рефлектирующую силу суждения определяющей* (*Критика силы суждения*. Введение, стр. XXIII и сл.). Он определяет силу суждения вообще, как способность *мыслить частное, как содержащееся под общим*.

Если общее (правило, принцип, закон) *дано*, то сила суждения, подводящая под него частное, есть *определяющее*. Если же дано лишь частное, *к которому нужно подыскать общее*, то сила суждения есть только рефлектирующая. Тем самым рефлексия есть здесь как бы восхождение над непосредственным к общему. Непосредственное определяется, как частное, отчасти лишь через это свое отношение к своему общему; для себя же первое есть лишь единоличное или непосредственно сущее. Отчасти же то, что к чему оно относится, есть его общее, его правило, принцип, закон, вообще рефлектированное внутри себя, относящееся к себе, сущность или существенное.

Но здесь идет речь не о рефлексии сознания, ниже о более определенной рефлексии рассудка, имеющей своими определениями частное и общее, а о рефлексии вообще. Та рефлексия, которой Кант приписывает подыскание общего к данному частному, и есть, как выясняется, также лишь внешняя рефлексия, относящаяся к непосредственному, как к данному. Но в ней заключается также и понятие абсолютной рефлексии; ибо то общее, принцип, или правило, или закон, к которому она восходит в своем определении, признается за сущность того непосредственного, с которого начинают, и тем самым последнее уничтожается, а возврат от него, определение рефлексии, оказывается лишь положением непосредственного по его истинному бытию; следовательно, то, что совершает в нем рефлексия, и определения, исходящие от нее, — не чем-то внешним для этого непосредственного, но его собственным бытием.

Внешняя же рефлексия имеется в виду тогда, когда рефлексии вообще, как это некоторое время было принято в философии, приписывается все дурное, и на нее с ее определением смотрят, как на антипод и наследственного врага абсолютного способа исследования. Действительно и мыслящая рефлексия, поскольку она остается внешнею, исходит от некоторого данного, чуждого ее непосредственного и смотрит на себя, как на чисто формальное действие, получающее содержание и материю извне и имеющее для себя лишь обусловленное им движение. Далее, как окажется сейчас, при ближайшем рассмотрении определяющей рефлексии, *рефлектирующие определения* суть другого рода, чем просто непосредственные определения бытия. Последние допускаются более, как преходящие, только относительные, находящиеся в

отношении к другому; рефлексированные же определения имеют форму бытия в себе и для себя; они заявляют себя поэтому, как *существенные*, и вместо того, чтобы быть переходящими в свою противоположность, они являются, напротив, абсолютными, свободными и безразличными одно к другому. Поэтому они упорно противятся своему движению, их *бытие* есть их тождество с собою в их определенности, по которой они, хотя они предполагаются одно в противоположность другому, сохраняются в этом отношении просто, как отдельные.

3. Определяющая рефлексия

Определяющая рефлексия есть вообще единство *полагающей* и *внешней* рефлексии. Это должно быть рассмотрено ближе.

1. Внешняя рефлексия начинается от непосредственного бытия, *полагающая* – от ничто. Внешняя рефлексия, становясь определяющей, полагает другое, но уже как сущность, вместо снятого бытия; это положение полагает свое определение не вместо другого; оно не имеет предположения. Но именно потому оно не есть полная, определяющая рефлексия, определение, которое оно полагает, есть по тому самому *только* положенное; оно есть непосредственное, но не такое, которое равно само себе, а отрицающее себя; оно имеет абсолютное отношение к возврату в себя, есть только в рефлексии внутрь себя, но есть самая эта рефлексия.

Положенное есть поэтому *другое*, но так, что сохраняется вполне равенство рефлексии с собою; ибо положенное есть лишь снятое, отношение к возврату в само себя. В *сфере бытия существование* было бытием, содержащим в нем отрицание, и непосредственную почву и элементом этого отрицания, которое поэтому было непосредственным. Существованию в *сфере сущности* соответствует *положенное*. Оно есть также существование, но его ночва есть бытие, как сущность или как чистая отрицательность; оно есть определенность или отрицание, не как сущее, а как непосредственно снятое. *Существование есть только положенное*: таково суждение сущности о существовании. Положенное, с одной стороны, противоположно существованию, с другой стороны, сущности и должно считаться серединою, соединяющею существование с сущностью и, наоборот, – сущность с существованием. Если говорится, что некоторое определение есть *только* положенное, то это может, значит, иметь двоякий смысл; оно таково в противоположность или существованию, или сущности. В первом смысле существование признают за нечто высшее, чем положенное, и последнее приписывается внешней рефлексии, субъективному. Но в действительности положенное есть высшее, ибо, как положенное, существование есть то, что оно есть в себе, отрицательное, относящееся только к возврату в себя. Поэтому положенное есть *только* положенное в отношении к сущности, как отрицание возврата в себя само.

2. Положенное не есть еще определение рефлексии; оно есть лишь определенность, отрицание вообще. Но положение достигло теперь единства с внешней рефлексией; последняя есть в этом единстве абсолютное предположение, т. е. отталкивание рефлексии от себя самой или положение определенности, *как ее самой*. Положение есть поэтому такое отрицание, но, как предположенное, оно есть рефлексированное в себя. Таким образом положенное есть *определение рефлексии*.

Определение рефлексии отличается от определенности бытия, от качества; последнее есть непосредственное отношение к другому вообще; положенное есть также отношение к другому, но как к рефлексированию в себя.

Отрицание, как качество, есть *сущее* отрицание; бытие составляет его основу и элемент. Напротив, определение рефлексии имеет такую основу рефлексирование в само себя. Положенное упрочивается в определение именно потому, что рефлексия есть равенство с самой собою в ее отрицании; ее отрицание есть поэтому само рефлексия в себя. Определение обусловливается здесь не бытием, но ее равенством с собою. Так как бытие, как носитель качества,

неравно отрицанию, то качество есть сам в себе неравный, а потому преходящий, исчезающий в другом момент. Напротив, определение рефлексии есть положенное, *как* отрицание, отрицание, которое имеет своею основою акт отрицания, и которое потому не есть неравное в себе самом, а тем самым есть *существенная*, непреходящая определенность.

Саморавенство рефлексии, в которой отрицательное есть только отрицательное, снятое или положенное, есть то, что дает последнему устойчивость.

В силу этой рефлексии в себя определения рефлексии являются, как свободные, витающие в пустоте без взаимного притяжения или отталкивания *существенности* (Wesenheiten). В них определенность упрочена и бесконечно фиксирована через отношение к себе. Это есть определенное, подчинившее себе свой переход и свое простое положение или превратившее свою рефлексию в другое в рефлексию в себя. Эти определения образуют тем самым определенную видимость, как она присуща сущности, существенную видимость. По этому основанию *определяющая рефлексия* есть рефлексия, перешедшая вне себя; само равенство сущности исчезло в получившем господство отрицании.

В определении рефлексии есть, следовательно, две стороны, ближайшим образом различающиеся.

Во-первых, она есть положенное, отрицание, как таковое; *во-вторых*, она есть рефлексия в себя. Как положенное, она есть отрицание, как таковое, в этом и состоит его единство с самой собою. Но она такова лишь *в себе*, или иначе она есть непосредственное, снимающее себя в нем другое самого себя. Тем самым рефлексия есть остающееся внутри себя определение. Сущность не выходит в ней из себя; ее различия просто *положены*, вобраны обратно в сущность. Но, с другой стороны, они не положены, а рефлексированы в самих себя; отрицание, *как* отрицание, рефлексировано в равенство с ним самим, а не в другое, не в свое небытие.

3. Но если определение рефлексии есть как рефлексированное отношение внутри себя самого, так и положенное, то отсюда непосредственно выясняется его природа. А именно как положенное, оно есть отрицание, как таковое, небытие в противоположность другому, именно в *противоположность* абсолютной рефлексии в себя или сущности. Но как отношение к себе, оно рефлексировано в себя. Эта ее рефлексия и положение различны; положенное есть собственно снятое, а рефлексированное есть сохраняющееся. Итак, поскольку положение есть вместе с тем рефлексия в себя, определенность рефлексии есть *отношение к ее инобытию в ней самой*. Она не есть сущая, покоящаяся определенность, относящаяся к другому так, что относимое и его отношение различны между собою, что первое есть сущее внутри себя, нечто, исключаящее из себя свое другое и свое отношение к этому другому; но определение рефлексии есть в нем самом *определенная сторона*, и *отношение* этой определенной стороны есть определенное, т. е. отношение к ее отрицанию. Качество через свое отношение переходит в другое; с его отношения начинается изменение. Напротив, определение рефлексии вобрало свое инобытие обратно в себя. Оно есть *положенное*, отрицание, которое, однако, обращает свое отношение к другому назад в себя, и отрицание, которое равно самому себе, которое есть единство его самого и его другого и потому *существенность*. Последняя есть, стало быть, положенное, отрицание, но, как рефлексия в себя, она есть вместе с тем снятие этого положенного, бесконечное отношение к себе.

Вторая глава

Существенности или определения рефлексии

Рефлексия есть определенная рефлексия; тем самым сущность есть определенная сущность или *существенность*.

Рефлексия есть *видимость сущности внутри ее самой*. Сущность, как бесконечный возврат в себя, есть не непосредственная, но отрицательная простота; она есть движение через различаемые моменты, абсолютное опосредование собою. Но она имеет видимость в этих своих моментах; поэтому они суть рефлексированные в себя определения.

Сущность есть, *во-первых*, простое отношение к себе самой, чистое *тождество*. Это ее определение, по которому она есть скорее отсутствие определения.

Во-вторых, ее собственное определение есть *различение* (Unterschied); и именно отчасти внешнее или безразличное различение, *различие* (Verschiedenheit) вообще; отчасти же противоположное различие или *противоположность*.

В-третьих, как *противоречие*, противоположность рефлексивируется в себя и переходит обратно в свое *основание*.

Примечание. Определения рефлексии старались ранее выразить в *форме предложений*, о которых говорилось, что они *имеют силу для всего*. Эти предложения считались *общими законами мышления*, лежащими в основании всякого мышления, абсолютными и недоказуемыми в себе самих, но непосредственно и без возражения признаваемыми за истинные и принимаемыми всяким мышлением, понимающим их смысл.

Так, существенное определение *тождества* высказывается в предложении: *все равно самому себе*, $A=A$, или отрицательно: *A не может быть вместе A и не-A*.

Прежде всего не усматривается, почему только эти простые определения рефлексии понимаются в такой особой форме, а также не прочие категории, каковы все определенности сферы бытия. Получаются, например, предложения: *все есть*, *все имеет существование* и т. д., или *все имеет качество*, *количество* и т. д. Ибо бытие, существование и т. д., как логические определения, суть вообще предикаты *всего*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.